

Н. В. УСТРЯЛОВ

<«...Чувствуется на этом лице некая печать рока, обреченности»>

Маленький харбинский собор. Тесно, молящихся много. Кругом знакомые омские лица, — случайные листья облетевшего, осыпавшегося дерева... Торжественные напевы панихиды. Ладан, свечи...

— Об упокоении души раба Божия новопреставленного воина Александра...

Эпилог. Грустное завершение целого периода истории русской революции, какая-то новая грань, какой-то новый передел...

Душа полна воспоминаниями, впечатлениями такого еще недавнего и такого уже далекого прошлого: — весна, лето, осень...

18 апреля прошлого года. Страстная неделя, великая пятница. Омский большой собор, торжественная служба в присутствии Верховного правителя. В первый раз вижу его близко, близко. Недавно еще приехал из освобожденной Перми, полный надежд и веры в национальное воскресение, и так естественно, что хочется ближе, лучше всмотреться в него, человека, как бы воплощающего собою эту веру...

«Интересные черты, — записываю впечатления у себя в дневнике. — Худой, сухой какой-то, быстрые черные глаза, черные брови, облик энергичный, резкий, выразительный... Если вдаться в фантазию, можно, пожалуй, сказать, что чувствуется на этом лице некая печать рока, обреченности».

Да, да — именно что-то роковое было в его фигуре, во всем стиле его облика. Это чувствовалось даже и тогда, когда его армия подходила к Самаре и Казани, его министры готовились к управлению во всероссийском масштабе, «демократия» величала его «русским Вашингтоном», а генерал Жанен почтительно приносил ему поздравления и приветы от верных союзников...

Другой момент, следующий этап.

20 июля прошлого года. Гений победы отлетел от нас, мы отступаем, отданы Уфа, Пермь, Екатеринбург... Вместе с делегацией омского «общественного блока» сижу против адмирала в большой столовой домика у Иртыша. Идет оживленная, несколько взволнованная беседа на большие темы дня — о развале на фронте и в тылу, о пороках управления, о безобразиях местных властей, об изъянах снабжения армий, наконец, о союзниках...

Адмирал волнуется, говорит быстро, жестикулирует. Затрагивается модный тогда вопрос о Японии, отмечает наивность тех, кто думает, что стоит только ее «попросить», и она немедленно же пришлет дивизии. Говорит о союзниках вообще:

— Мое мнение, — они не заинтересованы в создании сильной России. Она им не нужна.

И тотчас добавляет:

— Повторяю, таково мое мнение. Но ведь приходится руководствоваться не чувствами, а интересом государства. Разумеется, политика в смысле попыток привлечения помощи союзников будет продолжаться.

Подробно останавливается на вопросе об администрации:

— Скажу вам откровенно, я прямо поражаюсь отсутствию у нас порядочных людей. То же самое у Деникина — я недавно получил от него письмо... То же и у большевиков.

Это — общее явление русское: нет людей. Худшие враги правительства — его собственные агенты. У большевиков на это есть чрезвычайка. Но не можем же мы им подражать — мы идем под флагом закона, права... Я фактически могу расстрелять виновного агента власти, но я отдаю его под суд, и дело затягивается. Пусть общество поможет. Дайте, дайте мне людей!..

Беседовали долго, и общий стиль его характера, его интеллектуального и морального облика отчетливо запечатлевался в душе. Пусть это лишь «первое впечатление», но часто ведь именно оно наиболее цепко и ярко охватывает главное, основное...

Вечером того же дня я записывал у себя в дневнике: «Диктатор... Всмотривался в него, вслушивался в каждое слово — ведь “живая история”... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности искусственной или показной. Думается, нет в нем тех отрицательных для человека обыкновенного, но прощительных и даже нужных для “диктатора” свойств, которыми был богат Наполеон. Видимо, лозунг “цель оправдывает средства” ему слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он и сознает все его значение. В этом отношении другой герой нашего времени,

вождь красной России Ленин — является ему живым и разительным контрастом.

Он говорит о своем бессилии, он излагает свои сомнения, колеблется, словно обращается за советами. Что это? Излишняя искренность “абсолютно честного” человека? Недостаточная напряженность воли?.. Ни того, ни другого свойства не было у Наполеона, нет у Ленина. Дай Бог, чтобы оба эти свойства не помешали их обладателю стать “историческим человеком”. Может быть, я ошибаюсь, но не скрою, — не историческим величием, а лишь дыханием исключительной нравственной чистоты веяло от слов Верховного правителя и всей его личности. Конечно, трудно судить современникам. Исторических людей создают не только их собственные характеры, но и окружающие обстоятельства. Но боюсь — слишком “честен”, слишком “хрупок”, слишком “русский интеллигент” адмирал Колчак для “героя истории”...»

И помнится, всплывало в памяти суровое изречение Макиавелли: «Государь, сохраняющий свою власть, должен уметь не быть добродетельным...»

Затем осенью, когда уже грозные, катастрофические формы принимала опасность, довелось мне слышать искренние, как всегда, взволнованные слова адмирала, говорившего беженцам, организующим дружины св. креста:

— Войска бегут, войска не хотят сражаться, я объявляю призывы, они не удаются, — само население виновато в наших неудачах. Большевики побеждают не потому, что они сильны, а потому, что мы слабы...

Он обличал, он возмущался, он дышал нравственным негодованием — и опять в нем виден был не «диктатор», а измученный, усталый человек, «раб Божий воин Александр», страдающий в жгучей патриотической тревоге и страдание свое выставляющий на «всенародные очи»...

И наружность его становилась все выразительнее, аскетичнее, печать рока горела на ней все ярче и ярче. Он искал выхода и не находил его, лихорадочно метался от Омска к фронту, мечтая на фронте обрести спокойствие и уверенность в успехе, — но, словно иронией злой судьбы, его посещения и смотры, казалось, лишь приносили несчастья...

В последние дни перед падением Омска он выбросил героический лозунг «защиты столицы во что бы то ни стало», сменил главнокомандующего... Увы, — это лишь ухудшило положение...

А потом — какая-то сплошная Голгофа... Этот кошмарный поезд «Буки», затерянный на великом сибирском пути, это утонченное издевательство иностранцев, пожар повсеместных восстаний, одиночество...

Приговор истории на берегах Ангары, падение Иркутска, — грустная страница дописана.

«Трагическая личность», «роковой человек» — это определение так часто приходилось слышать от лиц, окружавших и близко знавших его...

И конец его, поистине, овеян каким-то исключительным, мрачным и сложным трагизмом, перед которым бледнеют даже драматические очертания последних минут других героев несчастной русской Вандеи — Каледина¹, Корнилова...

Омск, 20 июля.

Сейчас вместе с делегацией омского «блока» был у Верхового правителя — в домике у Иртыша. Длинная беседа на злобы дня. Хорошее и сильное впечатление. Чувствуется ум, честность и добрая воля. Говорил очень искренно, откровенно. Об «отсутствии порядочных людей», «трудном положении армии («развал»)", о союзниках. «Мое мнение — они не заинтересованы в создании сильной России... Она им не нужна». О Японии, о наивности тех, кто думает, что стоит лишь ее попросить, и она пришлет дивизии... Об отвратительных злоупотреблениях агентов власти на фронте и в тылу. «Худшие враги правительства — его собственные агенты». То же и у Деникина, то же и у большевиков — «это общее явление, нет людей»... У большевиков это устраняет чрезвычайка, но и она не может устранить преступлений агентов. Мы же мечтаем о законе. «У меня полнота власти, я фактически могу расстрелять преступников, — но я отдаю их под суд, и дела затягиваются»... Беседовали около двух часов. (5 ч. дня).

Омск, 21 июля.

«Диктатор»... Я всматривался в него вчера, вслушивался в каждое его слово... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности. Думается, нет в нем тех отрицательных для обыкновенного человека, но прогигиельных для гения свойств, которыми был богат Наполеон. Видимо, лозунг «цель оправдывает средства» ему слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он и сознает все его значение. В этом отношении величайший человек современности (тоже к гордости нашей русской) Ленин — является ему живым и разительным контрастом.

Говоря о том, что союзники не хотят помочь России стать снова великой, он прибавил вчера: «Это мое мнение... Но ведь иногда приходится руководствоваться не внутренними убеждениями, а интересами государства... Политика в смысле попыток привлечения помощи

союзников будет продолжаться...». Чувствовалось, что он лично считал бы нужным более независимый, самостоятельный тон в разговорах с союзниками. Но... он поддается доводам советников. То же в вопросе с Семёновым. «Разве я держал бы себя так во всей этой истории с Семёновым?»...

Что это? Излишняя искренность «абсолютно честного человека»? Недостаточная напряженность воли? ни того, ни другого свойства не было у Наполеона, нет у Ленина. Дай Бог, чтобы оба эти свойства не помешали их обладателю стать «историческим человеком». А может быть, я ошибаюсь... Но не скрою — не столь историческим величием, сколько дыханием исключительной нравственной чистоты веяло от слов Верховного правителя и всей его личности. Конечно, трудно судить современникам. Исторических людей создают не только их собственные характеры, но и окружающие обстоятельства. Но я боюсь — слишком честен, слишком тонок, слишком «хрупок» адмирал Колчак для «героя» истории... (8 ч. вечера).

